

Чудинов Сергей Иванович

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПАТТЕРНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА

Статья представляет обоснование нового подхода к типологии дефиниций экстремизма и теоретических интерпретаций его социокультурной сущности. В исследовании вводится понятие методологических паттернов - теоретико-методологических идей социально-философского значения, поскольку они раскрывают ту или иную сторону сущности экстремизма, но не говорят о механизмах функционирования и социальной динамики экстремизма, что является прерогативой чисто социологических концепций. Фиксируются и проводится сравнительный анализ пяти ведущих паттернов в интерпретации экстремизма в отечественных и западных исследованиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 195-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17; 298.9

Философские науки

Статья представляет обоснование нового подхода к типологии дефиниций экстремизма и теоретических интерпретаций его социокультурной сущности. В исследовании вводится понятие методологических паттернов – теоретико-методологических идей социально-философского значения, поскольку они раскрывают ту или иную сторону сущности экстремизма, но не говорят о механизмах функционирования и социальной динамики экстремизма, что является прерогативой чисто социологических концепций. Фиксируются и проводится сравнительный анализ пяти ведущих паттернов в интерпретации экстремизма в отечественных и западных исследованиях.

Ключевые слова и фразы: экстремизм; методологические паттерны; терроризм; концепт рационального актора; монизм (монокрапия); плюрализм и антиплюрализм в политике; экстремистская идеология; экстремистский метод.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доцент

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск)

personally@ngs.ru

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПАТТЕРНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530.2014.6).

В исследовании экстремизма сложилось множество теоретических подходов и методологических направлений. Исследования экстремизма, проводимые в западной социально-гуманитарной науке, отличаются чрезвычайным разнообразием теорий, применяемых методологических подходов [4, с. 94-132]. При этом их отличает общая особенность – помещение экстремизма целиком в социологическую область исследований, что препятствует прояснению более глубинных социально-культурных и метаэмпирических аспектов феномена. В отечественной литературе наиболее изучен религиозный экстремизм на материале исламизма, что касается общетеоретических исследований, то заметен явный крен в сторону прикладных юридических исследований, нацеленных на усовершенствование антиэкстремистского законодательства Российской Федерации (см., например: [3, с. 5-6]). Однако наряду с этой тенденцией в отечественной социально-гуманитарной науке можно все же встретить редкие, но оригинальные исследования экстремизма в ракурсе философских аспектов.

Попытка классификации различных концептуально-методологических моделей только по вопросу процесса радикализации общественно-политических движений в сторону экстремизма может обернуться перечислением нескольких десятков социологических и других социально-гуманитарных теорий. Если же включить в сферу научного обзора всевозможные исследования, анализирующие терроризм как форму проявления экстремизма, в данном материале можно просто утонуть. Поэтому автор решил предложить новый подход, способный привести многообразный исследовательский материал, сложившийся за несколько последних десятилетий в области проблемы экстремизма, в некоторую логически ясную структуру, которая смогла бы стать своеобразной картой для ориентировки в дальнейших исследованиях.

Для структурирования имеющихся теорий следует ввести понятие методологических паттернов в исследовании экстремизма. Этот подход позволит охватить и включить по возможности наиболее полно все существующие методологические направления, но в более крупном масштабе.

Паттерн буквально означает , образец, , модель. Отличие этого понятия от конкретных научных школ и теоретических концепций в том, что под паттерном в теоретических исследованиях экстремизма мы будем подразумевать наиболее значительные и выделяющиеся концептуальные модели, как правило, выражаемые одной структурообразующей методологической идеей, которые могут пронизывать множество отдельных научных исследований, научных школ, теорий в области изучения экстремизма. Одна теория может сочетать в себе два и более паттернов.

При этом следует подчеркнуть, что паттерн – это базовая теоретико-методологическая идея, которая раскрывает ту или другую сторону сущности экстремизма, но не говорит о механизмах функционирования и социальной динамики экстремизма: процессе зарождения, стадийного развития экстремизма, способах перенесения экстремистских идей и практик с одной социальной среды в другую (процесс диффузии экстремизма) и тому подобном. Таким образом, паттерн имеет почти исключительное отношение к дефиниции экстремизма, призванной отчетливо выразить в понятии сущностные особенности и признаки того явления, которое оно обязано должным образом назвать и описать. Он схватывает сложно-уловимые социально-психологическую, социально-культурную, экзистенциально-духовную основы экстремизма, а не показывает, каким образом происходит его развитие во времени и различных социокультурных пространствах. Второе является прерогативой конкретных социологических концепций и частных методологий, занимающихся

именно этими вопросами. Поэтому паттерн в значительной степени несет в себе социально-философское значение или, что то же самое, он раскрывает социально-философскую основу теоретических направлений и подходов, которые мы систематизируем и рассмотрим ниже.

Первый паттерн – «рациональный экстремизм»

Паттерн вырастает из научного мышления, построенного на экономической и социологической методологии. Концепция рациональности, взятая за исходную аксиому, ведет свои истоки от теории рационального выбора, базирующейся на экономических категориях рационального актора, интересов, выгод или приобретений, потерь или ущерба. Под рациональным актором подразумевается социальный субъект, для поведения которого характерна неперенная калькуляция будущих приобретений или потерь от планируемых действий в социальном пространстве и, соответственно, базовая установка максимизации выгод и минимизации потерь от предпринимаемых действий.

Первая линия в интерпретации рационального актора фундирована социально-философской установкой социального (или социологического) номинализма. Движущей силой экстремизма объявляется индивид, социальная активность которого в синергии с другими индивидами с теми же интересами и целями и создает целые социально-политические движения радикальной ориентации. Рациональный актор поэтому трактуется как индивид в полном соответствии с изначальной экономической теорией рационального выбора. Главнейшей задачей в данном направлении научного объяснения экстремизма становится поиск достаточного мотивационного основания экстремистской и террористической деятельности в сознании индивида. А это непростая задача, в особенности тогда, когда экстремизм рассматривается на примере его наиболее крайней разновидности – атак смертников, поскольку решение теоремы рациональности экстремиста упирается в загадку духовно-психологических механизмов преодоления инстинкта самосохранения, проблему соотношения веры и рациональности в мотивации террориста и объяснение роли социальных и культурных факторов, детерминирующих девиационное жертвенное поведение.

Имеющиеся затруднения с объяснением логики как террористических организаций, так и самих экстремистов (конкретней – террористов-смертников) можно решить, считает К. Викторовиц, если принять, что их поведение определяется рациональным выбором, основанным одновременно на стратегических подсчетах и религиозных убеждениях. Смертника следует определить как рационального истинноверующего (*rational true believer*), определяющего свои интересы через духовные категории [16, p. 7].

Еще более высокую значимость культурно-религиозному фактору придает М. Хафез. Он отмечает, что стратегическая или организационная логика не применима к уровню индивидуальной мотивации террориста-смертника. Он утверждает, что уровень индивидуальной мотивации может быть объясним только с помощью культурологического (культурологического) анализа. Ученый все же сохраняет рациональность как характерную черту сознания исполнителя террористической атаки, однако, эта рациональность проходит трансформацию через культуру мученичества, которую сознательно создают и поддерживают экстремистские организации. Дискурсивные практики, оперирующие культурными символами, мифами, религиозной этикой в целях мобилизации воинственных боевиков, важны для снятия нравственного запрета на убийство других людей и могут воодушевить индивида на самопожертвование (поскольку они несут спасительный для индивида и общества смысл) [9, p. 170-171].

Более легким путем объяснения экстремизма в рамках данного паттерна стало перенесение акцента на организацию (социальную группу), осуществляющую экстремистскую деятельность. Рациональным актором становится экстремистская организация, в поведении которой можно обнаружить вполне ясные стратегические расчеты и логику социальной динамики. Индивид, как правило, также признающий рациональным, в этих теориях, отказывается от своей автономии в силу тех или иных причин и перенимает навязанную ему шкалу рациональной оценки собственных действий с перспективы интересов и стратегии группы. Сюда относятся теория стратегической логики Р. Пейпа [14], теория соперничества между радикальными оппозиционными группировками М. Блум [8], теории социализации индивида внутри экстремистской группы (С. Атран [6] и др.), теории экономического обмена (М. Харрисон [10] и др.), теория социальной солидарности (Р. Уинтроуб [17]), теория идентичности (М. Харрисон, Т. Дронзина [1] и др.).

Второй паттерн – «мейнстрим и экстрим»

Если за отправную точку в научной квалификации социально значимого акта, политической программы или идеи в качестве экстремистских берется признак их социального неприятия, или несоответствия общепризнанным представлениям и устоявшимся моделям социальных взаимоотношений, тогда формируется методологическая аксиома, оформляющая новый паттерн в интерпретации экстремизма. Экстремизм как крайняя и маргинальная форма политической борьбы и общественно-политической мысли противопоставляется тому политическому и культурному мейнстриму, тенденциям и нормам которого следует основная часть общества.

Данная методологическая идея в социально-философском плане базируется на социально-номиналистической установке. Она приводит к неизбежно релятивному пониманию крайности и нормативности. То, что в конкретном обществе в данный момент времени воспринимается большинством как крайность – в действительности должно быть таким. Таким образом, объем и содержание понятия экстремизма полностью зависят от социальной конвенции. Так, к примеру, Р. Уинтроуб считает, что экстремист не обязательно тот, кто добивается политических целей насильственным путем. Для социологической (не правовой) оценки мировоззрения в качестве экстремистского согласно Уинтроубу достаточно, чтобы оно выходило за границы общепринятых представлений о приемлемом. Помимо этого экстремизму, как правило, присуще отсутствие

гибкости и интолерантности в отношении других точек зрения [17, р. 5]. Экстремизм всегда релятивен в отношении определенного контекста, времени и места, – искренне считает Уинтроуб [Ibidem, р. 77], как и многие другие западные ученые.

Д. Маллой, подробно разбирая экстремизм на материале праворадикальных течений в политике США XX в., обращает внимание на тот факт, что многие американские экстремистские движения вовсе нельзя назвать маргинальными. В частности, ученый указывает на тот факт, что в американской литературе общепризнанной точкой зрения считается оценивать таких праворадикальных политических лидеров и антикоммунистов как Дж. Маккарти и Б. Голдуотер в качестве экстремистов. Важно напомнить, что эти политики действовали внутри мейнстримовских институтов – Конгресса и Республиканской партии (оба были сенаторами от Республиканской партии) [13, р. 20].

Все же западная методология, находящаяся в порочном круге социального номинализма и эмпиризма, даже в лице критиков рассматриваемого нами подхода, не имеет сил его преодолеть. Маллой приводит пример попытки переступить черту этого круга соавторами Дж. Джорджем и Л. Вилкоксом (им принадлежит энциклопедический труд *American Extremists*), которые, отвергая методы статистического измерения и общественной конвенции в определении экстремизма, предложили «поведенческую модель “экстремизма”» (она описывает «стилевые» особенности экстремизма), но, по сути, были вынуждены опять вернуться к противопоставлению экстремистской позиции мейнстриму. Он сам, нашедший блестящие аргументы, опровергающие устоявшееся мнение о противопоставлении экстремизма политическому мейнстриму, все же склоняется к тому, что, несмотря на все недостатки, данный подход, как кажется, единственный осуществимый подход [Ibidem, р. 21].

Третий паттерн – экстремизм как монизм

Одно из наиболее часто встречающихся определений экстремизма ассоциирует его со специфичной когнитивной установкой – монизмом, т.е. таким восприятием политической и, шире, – социальной реальности, которое все сводит к единому принципу, принудительно подчиняющему все остальные аспекты реальности. Производным от этой установки становятся такие качества экстремистского сознания как нетерпимость к Другому, к оппоненту и политическому сопернику, а также нежелание и неумение вступать в диалог и переговоры.

Исследуя различные виды политического экстремизма в виде экстремистски мотивированных случаев массового насилия XX и XXI вв., Мидларски перечисляет среди основных идеологических типов экстремизма фашизм, коммунизм, радикальный исламизм и крайний национализм (включая необузданный милитаризм и геноцид, как его наиболее кровопролитные формы). Между всеми этими «измами» ученый обнаруживает единственное важное сходство – все они представляют в своей основе «*тотализм*». При этом ученый сознательно избегает введения здесь понятия «*тоталитаризм*», поскольку оно подразумевает вовлечение в насилие. Различные виды экстремизма являются тотализмом в том смысле, что они «преследуют единственный взгляд на человека, который тотален в своей концепции... Все аспекты личности: познавательные способности, верования, повседневная активность и мировоззрение обусловлены и даже навязаны тотальной системой мышления, будь то светской по своему происхождению, или же извлеченной из священного писания» [12, р. 8]. Последнее уточнение в данном высказывании отражает мнение автора о принципиальном смещении религиозного и светского в дискурсе современного экстремизма, взаимозаменяемости и взаимообусловленности данных компонентов.

Немецкий исследователь экстремизма У. Бакес усматривает сущность экстремистской установки политического сознания в перспективе, близкой Мидларски. Только терминологическое обозначение этой установки несколько звучит по-иному: он именуется ее «*монизмом*» или «*монократией*». Данное определение очевидным образом указывает на то, что экстремизм выступает принципиальным противником демократизма (как плюрализма и свободной конкуренции мнений и политических сил), либерализма (незыблемости гражданских прав и свобод индивида) и конституционализма (верховенства закона). «Монизм или «монократия» (автократия) означает «связное требование власти, которая (если это вообще возможно) уничтожает любое соревнование, не терпима к разнообразию и оппозиции, по меньшей мере, стремится представить это (такую установку) безобидным, останавливает политические перемены, препятствует и подавляет автономные обязательства групп и людей, по меньшей мере, когда они стоят на пути амбиций правителей» [7, р. 250].

Однако идеи Бакеса вовсе не новы. Они продолжают теоретико-методологическую линию, обозначенную американскими социологами С. Липсетом и Е. Раабом в их совместном труде «Политика абсурдности: Правый экстремизм в Америке, 1790-1970», где экстремизм был объявлен синонимом антиплюрализма или монизма, т.е. нарушения нормативных процедур, характерных для демократического процесса и центрального принципа плюрализма – признание сосуществования различных политических единиц, этнических групп, идей [11, р. 5-6].

Четвертый паттерн – экстремизм как идеация

Четвертый паттерн рассматривает экстремизм как продукт идеологического конструирования. Для квалификации общественно значимых действий в качестве экстремистских становится важным экстремистский мотив, т.е. радикально-идеологическая составляющая мотивации. Часто данный паттерн связан с убеждением в самостоятельной роли политических и религиозно-политических идеологий в оформлении и развитии радикальных социальных движений и подпольной экстремистской деятельности. Как правило, экстремизм в рамках данного подхода противопоставляется (нео)либеральной системе ценностей.

Одна из наиболее теоретически проработанных попыток объяснения экстремизма как антипода либерально-демократической модели была предпринята У. Бакесом. Экстремизм в глазах ученого – антитеза «конституционного порядка». В авторской классификации экстремизма выделяются три основных вида

в зависимости от интерпретации сути и взаимоотношения гражданского равенства и свободы: демократический анти-конституционализм (коммунистические и анархические учения), конституционный антидемократизм (например, режим апартеида в ЮАР), антиконституционный антидемократизм (национал-социализм в Германии) [7, p. 253]. Таким образом, У. Бакес берет европейскую модель конституционной демократии в качестве образца, по которому судят о нормативности или крайности того или иного социально-политического явления. Экстремизм для него, прежде всего, антиконституционная или антидемократическая идеология (или же и то, и другое вместе взятое), а также социально-политическая модель устройства общества (а точнее, несколько моделей, объединяемых общими указанными признаками).

Вторичными по отношению к европейским определениям экстремизма как антитезы демократии выглядят многие юридические дефиниции российских ученых, которые в обилии можно встретить в юридических диссертациях (к примеру, см.: [3, с. 9]). Они принимают в качестве ценностной и правовой точки отчета демократическую и конституционную модели общественного устройства Российской Федерации, т.е. судят об экстремизме еще более узко, привязываясь к правовому и социальному контексту одной страны.

Можно обнаружить и более продуктивные вариации в теоретической экспликации данного паттерна, претендующие на фиксацию более универсальных признаков. К примеру Т. Стивенс и П. Ньюман следуют более сбалансированному определению: „Экстремизм” может быть использован в отношении политических идеологий, которые выступают против основополагающих ценностей и принципов общества. В контексте либеральных демократий это может распространяться на любую идеологию, которая оправдывает расовое или религиозное превосходство и/или выступает против центральных принципов демократии и всеобщих прав человека... [15, p. 10].

Пятый паттерн – экстремизм как метод политической борьбы

Пятый паттерн подчеркивает тот факт, что экстремистское действие не всегда связано с идеологическими мотивами, оно может быть автономным от них. Поэтому экстремизм отделяется от идеологической основы и интерпретируется лишь как метод реализации радикальных политических задач и идей (вне зависимости от их содержания) в предельно конфликтных обстоятельствах. Экстремизм теряет самостоятельную социальную сущность, он прекращает быть социально-политическим и социокультурным явлением, а становится лишь одним из модусов практической реализации интересов маргинальных социальных групп.

Так, к примеру, Мидларски убежден, что экстремистское сознание носит вспомогательный характер в генезисе экстремизма в виде массового насилия и геноцида: без экстремистской идеологии возможно те убийства, которые имели место в истории, могли бы не произойти, по крайней мере не в том масштабе. Идеология (ideation) – это подпорка или то, что легитимирует насилие [12, p. 20], однако, сами по себе идеи не убивают людей [Ibidem, p. 17].

Профессор Д. В. Олышанский рассматривает экстремизм как дальнейшее развитие радикализма, который, в свою очередь, представляет собой социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное изменение существующих социальных и политических институтов, разрыв с уже признанной, существующей традицией, ее капитальное изменение [2, с. 215]. Ученый полагает, что радикализм проявляется скорее в содержании идей, а экстремизм – в методах их воплощения в реальность [Там же, с. 216].

Сторонник решительной деидеологизации социальной сущности экстремизма – екатеринбургский ученый В. С. Мартыанов. Он убежден, что экстремизм – это политическая практика, но не тип политического мышления или идеологии. Он утверждает: „...мы исходим из того, что *экстремизм не может быть идеологией или политическим учением*, но лишь видом различных практик, таких как геноцид, этноцид, экстремизм, религиозные войны. В политике могут быть только радикальные идейные учения, которые переходят в экстремизм только на практике” [5, с. 74].

Анализ ведущих паттернов в существующих теоретических подходах к интерпретации экстремизма позволяет сделать следующие выводы. Каждый из паттернов высвечивает одну из граней экстремизма, но имеет свои объяснительные границы. Первый паттерн исходит из редуцированного понимания субъекта экстремизма, мотивация которого сводится к прагматической калькуляции последствий от планируемых и предпринимаемых действий. Второй паттерн приводит к неизбежно релятивному пониманию крайности и нормативности. Публично значимое действие, политический акт, идея, представление могут быть оценены по этой шкале лишь общественным субъектом, чьи представления и вкусы изменчивы и зависимы от времени и социокультурного пространства. Четвертый паттерн достигает своих объяснительных границ, когда он помещается в контекст (нео)либеральной системы этико-политических ценностей и явно или эксплицитно в качестве образца нормативности берется модель либерального конституционализма и т.д.

Итоговым выводом может быть следующий: социально-философская сущность экстремизма может быть схвачена при попытке сочетания ведущих паттернов и их корректирования (в действительности многие дефиниции экстремизма изначально находятся между двумя и иногда более паттернами). К примеру, первый паттерн эффективен в объяснении и прогнозировании деятельности экстремистских социальных групп, но его рамки должны быть преодолены на уровне индивида, который не может быть сводим к рациональному актору. Однако поскольку задачи данного исследования были изначально ограничены скромными рамками критического анализа имеющихся подходов, задачу возможной непротиворечивой интеграции паттернов мы оставим для последующих исследований.

Список литературы

1. Дронзина Т. Терроризма женский лик (результаты международного исследования). Астана: Международные исследования. Общество. Политика. Экономика, 2011. 236 с.
2. Ольшанский Д. В. Психология террора. Екатеринбург: Деловая книга; Академический Проект, 2002. 320 с.
3. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... к.ю.н. Тамбов, 2009. 24 с.
4. Чудинов С. И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама): монография. М.: Флинта; Наука, 2010. 312 с.
5. **Экстремизм как цивилизационный вызов**: коллективная монография / науч. ред. д. филос. н., профессор В. Ш. Сабиров. Новосибирск: ИГАСУ (Сибстрин), 2012. 374 с.
6. Atran S. Genesis of Suicide Terrorism // Science. 2003. Vol. 299. P. 1534-1539.
7. Backes U. Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present // Central European Political Studies Review. 2007. Vol. IX. Part 4. P. 242-262.
8. Bloom M. Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror. N. Y.: Columbia University Press, 2005. 251 p.
9. Hafez M. Rationality, Culture, and the Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study // Studies in Conflict & Terrorism. 2006. № 26. P. 165-185.
10. Harrison M. An Economist Looks at Suicide Terrorism // World Economics. 2006. Vol. 7. № 3. P. 1-15.
11. Lipset S. M., Raab E. The Politics of Unreason: Right Wing Extremism in America, 1790-1970. N. Y.: Harper & Row, 1970. 554 p.
12. Midlarsky M. Origins of Political Extremism. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. 429 p.
13. Mulloy D. J. American Extremism. History, Politics and Militia Movement. L.: Routledge, 2005. 249 p.
14. Pape R. Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. N. Y.: Random House, 2006. 353 p.
15. Stevens T., Neumann P. Countering Online Radicalization. A Strategy for Action: a policy report. L.: ICSR, 2009. 55 p.
16. Wiktorowicz Q. Suicide Bombings. Do Beliefs Matter?: working paper. Memphis, TN: Rhodes College, 2004. 26 p.
17. Wintrobe R. Rational Extremism. The Political Economy of Radicalism. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. 286 p.

NOTION OF METHODOLOGICAL PATTERN IN STUDY OF EXTREMISM

Chudinov Sergei Ivanovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences in Novosibirsk
personally@ngs.ru

The article presents a new approach to studying the typology of the definitions of extremism and the theoretical interpretations of its social and cultural aspects. The study introduces a notion of methodological patterns, i.e. theoretical and methodological ideas with social-philosophical meanings, which reveal one or another aspect of extremism, but do not explain the mechanisms of functioning and social dynamics of extremism that are examined through purely sociological conceptions. The paper contains the description and comparative analysis of the top five patterns in the interpretation of extremism in the Russian and western studies.

Key words and phrases: extremism; methodological patterns; terrorism; concept of rational actor; monism (monocracy); pluralism and antipluralism in politics; extremist ideology; extremist method.

УДК 141.201

Философские науки

В статье показаны философско-антропологические идеи И. М. Скворцова, оказавшие влияние на формирование психологии как науки: трактовка высших способностей человека, свобода воли, смерти и вечности, нравственная и психологическая проблематика становления человека и т.д. Характерно обоснование им теистической философско-психологической традиции, где человек выступал мерилем Истины, а поиски идеала были направлены на достижение физической и нравственной гармонии в человеке.

Ключевые слова и фразы: духовно-академическая философия; философский теизм; теистическая психология; антропология; природа человеческого сознания.

Шарова Марина Александровна, к. филос. н.
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
SHAROV.KALUGA@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ
В ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЯХ И. М. СКВОРЦОВА**

И. М. Скворцов большую часть творческой деятельности посвятил философскому теизму и христианской антропологии [5, с. 59-62]. В курсовом сочинении «О составе человека» (1817) он обозначил нравственную и психологическую проблематику становления человека в единстве телесно-душевной и благодатно-духовной сущности, а также развил идеи разумной природы человеческого духа [2, с. 49-51; 4, с. 82-84].